

— А у нас, например, добиваются помилования даже те, кто убил трех человек. Вместо пожизненного срока им оставляют 25 лет. Например, всем известный Юркин, отсидев 25 лет, может быть представлен к условно-досрочному освобождению. И даже если ему откажут, он снова обязательно попытается счастья через три года.

Известная правозащитница, доктор филологических наук Мариэтта Чудакова заявила, что рациональных аргументов за смертную казнь не существует: «В недалеком прошлом высшая мера не остановила ни одного маньяка. В царской России людей лишали жизни лишь за два проступка — нарушение чумного карантина и покушение на императора. Заменив мораторий на полную отмену смертной казни, мы станем по-настоящему цивилизованным государством».

P.S. Пока правозащитники объясняли в Явасе, почему негуманно расстреливать преступников, в оплоте демократии — США всерьез обсуждалось, стоит ли демонстрировать по кабельным каналам казнь «оклахомского мясника» — террориста Тимоти Маквея. На счету ветерана войны с Ираком более 160 жизней. Мнение американских правозащитников там никого не интересовало...

А. Приставкин

ЗОНА ПЯТАЯ. СМЕРТНИКИ

Часы судьбы (зеленая папка)

Знаменитые «часы судьбы» находятся в Чикагском университете. Их придумали во времена «холодной войны», чтобы отмерять символическое время, отделяющее мир от глобальной ядерной катастрофы. Но разве катастрофа одной жизни, при которой теряешь тот же мир, не глобальная для любого человека? И тогда часы, которые он проводит в камере смертников, в ожидании казни, становятся для него «часами судьбы».

Некий Демьянов, двадцати лет, вместе с дружкой изнасиловал в машине женщину, а когда она сумела вырваться от них, побежала по снегу в лес, догнал ее и монтировкой по голове, так что мозг брызгами...

Он пишет нам, в Комиссию: «Кто станет читать о судьбе подонка или патологического существа, которым я себя не почитаю... Ведь моя жизнь для Вас ничего не стоит... — И далее. — Это что-то ужасное и неотвратимое, когда ждешь, что сегодня за тобой придут и больше не будет ничего, ни жизни, ни страданий, ни матери с отцом, ни сына с женой... Не будет ни-че-го, понимаете?!»

Обращается он к нам, а сам-то понимает ли, что всего этого уже не будет у той самой молодой женщины (ее имя Юма Юрьевна, у нее тоже мама, дочь, и работала она на севере в детском интернате, учила детишек русскому языку), которую они так дико насиловали и убивали?

«...Постоянные думы о смерти страшны, ее присутствие здесь в одиночке чувствуется явно, и так страшно считать дни, часы, минуты и сознавать, что ты никому не нужен... Но даже здесь для меня были счастливые минуты, когда на свидании я увидел своего сына, он назвал меня папой...»

Если поделить жизнь смертника на временные периоды: преступление, арест, следствие, суд, ожидание казни и, наконец, сама казнь, то ожидание казни будет самое невыносимое. Не случайно в международных декларациях о правах (в данном случае о правах заключенных) упоминается «пытка ожиданием казни».

Но бывает, подают и «заявления» с просьбой не миловать. То есть казнить. Об этом просил «борец» против местных коммунистов Воронцов, он хотел погибнуть за идею, которой посвятил жизнь.

Смертник Юрий Бояркин (изнасиловал и живую бросил в прорубь под лед свою жертву) пишет: «...Областной суд приговорил меня к исключительной мере наказания, к расстрелу. Приговор был утвержден судом РФ, и после утверждения я не писал ни просьб о помиловании, ни жалоб в надежде, что приговор приведут в исполнение незамедлительно. Но прошел уже год, а приговор в исполнение так и не

привели. Я осужден к расстрелу, а не к тюремному одиночному заключению, и прошу Вас рассмотреть мое ходатайство о незамедлительном исполнении моего приговора».

Еще резче письмо смертника Максима Меркулова (28 лет, убил жену приятеля, который был в командировке, изнасиловал и потом убил ее восьмилетнюю дочь). «...С того времени как я осужден и обращался к Вам с прошением о помиловании, прошло более двух лет. За это время изменилось многое в моей жизни и жизни Российского государства. Гр. Президент, Вашим Указом введен мораторий на исполнение смертной казни... Закон есть Закон, но, как во всяком случае, из него есть исключения. Я прошу Вас, основываясь на моей личной просьбе, подписать распоряжение о приведении приговора в исполнение, так как я дошел до предела и не хочу, чтобы волей системы исполнения наказания из меня сделали идиота. Сам на себя я наложить руки не могу, так как это противно Богу...»

И еще письмо через год: «...В последнее время много и часто обсуждается вопрос о применении смертной казни в России. Есть ее сторонники, есть и противники. Я за применение смертной казни, так как альтернатива ее — пожизненное заключение — мне не нужно и даром. Всю жизнь находиться в условиях, когда кто-то может командовать тобой, как ему захочется, и угнетать... Сегодня много говорят о добре и милосердии, о гуманности и правовом государстве. Но где они на деле, если суд решил и годы я жду Вашего решения, что со мной делать, помиловать или расстрелять? Россия, как и многие государства, подписала Женевскую конвенцию, согласно которой пытки государственными органами запрещены. Я же вижу обратное, изо дня в день меня подвергают моральной пытке. И не только меня. Вашего решения ждут, страдая, мои родные, а моя мама перенесла инфаркт и стала инвалидом. Почему должны страдать и физически и морально близкие мне люди? Какие преступления совершили они? Прошу Вас о приведении приговора в исполнение, то есть отказать в помиловании. Вы же люди, так дайте мне возможность уйти из этого мира, не деградировав,

не озлобившись, и чтобы осталось уважение к Вам, к членам Комиссии, как уважаемым людям страны. Это и будет милосердие с Вашей стороны...»

Смертник Шурыгин, отвоевавший добровольцем в Молдавии, в «гвардии» Приднестровья, вернулся в Санкт-Петербург, захватив автомат и другое оружие, стал наемным убийцей. За 5 тыс. рублей он расправится с семьей предпринимателя, а потом, застрелив другую семью: мужа, жену и мать, — напишет: «Объяснительная по существу вопроса о причинах, побуждающих отказаться от подачи прошения о помиловании... 1. Долгое время моими сослуживцами, командирами и начальниками являлись люди, с пренебрежением относящиеся к возможной гибели. Общение с ними не могло не повлиять на склад моего характера, что впоследствии и выразилось в добровольном участии мною в двух вооруженных конфликтах (Афганистан, Приднестровье), в том числе и в ряде мероприятий, связанных с высокой степенью риска и возможной гибели. Я бы много потерял в глазах этих людей, да и своих собственных, если бы стал просить о сохранении жизни. 2. Изменение меры наказания исключает мое активное (с оружием в руках) участие в жизни, что делает ее бессмысленной. 3. Изменение меры пресечения, а равно и задержка в исполнении приговора, не снимает и не решает проблемы, стоящей перед моей семьей, и, наоборот, вынуждает моих родных отрывать от своих и без того скромных доходов средства, чтобы скрасить мое существование. 4. За время содержания в Вашем учреждении я имел возможность ознакомиться с тюремными нравами и, в случае изменения меры наказания, не исключая возможность встречи с людьми, которые спокойное и ровное отношение к себе могут воспринять как проявление слабости, робости и т.п. То есть могут допустить агрессивные выпады в мой адрес, которые я вынужден буду пресекать со свойственной мне решимостью и последующим физическим уничтожением. А это вынудит администрацию учреждения повторно поднимать вопрос о моем расстреле. 5. Являясь сторонником единонасилия во всех сферах жизни и негативно относясь к «демократическим нововведениям», получать, а тем более просить помилование у

лиц, эти «нововведения» олицетворяющих, считаю для себя неприемлемым. На основании всего вышеизложенного, а также ряда других причин, которые я не стал излагать ввиду их неубедительности для Вас, считаю свое решение об отказе писать прошение о помиловании правильным и прошу Вас понять меня и поддержать мое заявление...»

Письма разные, и доводы разные, а последнее вообще в духе ультиматума, но смысл один: настоятельная просьба об исполнении наказания. Тут и ссылка на Женевскую декларацию, на муки своих близких, что по-человечески понятно, и даже необычное для прошений, но уже обычное для нашей жизни нежелание жить, если невозможно в ней не воевать.

Часты ссылки на Евангелие, на запрет верующим лишать себя жизни. Нередка и позиция смертника, который осведомлен о дискуссиях в обществе и лично сам выступает за сохранение смертной казни. Где-то мелькает и ссылка на «тюремные нравы», которые приводят и не могут не привести к конфликтам и расправам среди заключенных.

У Данте, который дважды сам был приговорен к смертной казни, знает из первых рук, что это такое, в «Божественной комедии» есть строки:

«О новой смерти тщетное моление...»

В пояснении сказано, что грешник в аду, уже умерший телесной смертью, хочет, чтобы умерла и душа, чтобы прекратились его муки.

Читатель, наверное, не мог не заметить, что за всеми без исключения письмами живые души, хотят они смерти или не хотят. Верят ли они нам или даже не приемлют нас как последний адресат. И, ей-Богу, никак нельзя пренебрегать чувствами, донесенными до нас из тюремных глубин, возможно, в последний раз. Даже... Даже если это насильник и наемный убийца, разбойник и злодей.

Смертник В. Подкуйко (грабил и убивал, никого не щадил, стрелял в лицо): «...Ходатайство не играет никакого значения, мне хочется поговорить сейчас, так как в общении я ограничен. То, что я останусь в неведении о вашей реакции на мою писанину, играет тоже положительную роль, в смыс-

ле того, что я смогу пофантазировать на эту тему... — И далее. — Вот только здесь, между небом и землей, избавившись от забот и суеты, появилось у меня желание привести пройденный путь в стройную систему, осмыслить и понять свои чувственные заблуждения, толкающие на определенные действия. Для этого, к сожалению, не хватает знаний. Но даже поверхностного взгляда хватило осознать, какое я, в сущности, ничтожество. Вначале было грустно и смешно, потом тяжело и противно. Существует афоризм: «Человек кается только тогда, когда пора грешить миновала». Это по отношению ко мне очень верно. Вот сейчас моя писанина походит на памфлет на мой внутренний мир. Никогда не думал, что лицемерить проще, чем воспроизводить свои мысли...»

Это письмо-исповедь, достаточно беспощадное к себе. Но и к нам. Автор письма делает неожиданный вывод: «...Считаю, что нет коренных различий между уголовником, который нафантазировал себе моральный кодекс, и деятелем-политиком, отстаивающим мнимые высокие идеалы. Главным выводом является то, что преступность — важный стимул развития общества, спутник прогресса...» И затем о свободе, которая «...может быть только ограничена. Именно такой свободой я сейчас обладаю на сто процентов, потому что живу без забот и суеты». Но тут же он добавляет: «Эта моя точка зрения, наверное, в какой-то мере отражает степень моей социальной опасности...»

И вдруг под занавес прорывается: «Я хотел и пытался писать искренне, но присущий мне пафос нет-нет да проскользнет. Вообще же умирать в моем возрасте казалось поначалу очень романтично, но с приближением этого дня все больше хочется жить».

На этом и ставит точку.

У них не было попытки самовыражения на свободе, они себя выражали по-иному, как могли и как их воспитала жизнь. Теперь у них появилось время для самоосмысления происшедшего, и единственное, что может преодолеть запоры, стены, колючую проволоку — слово.

И здесь я должен высказать свое (чисто писательское) мнение: это во многом выразительнее, человечнее, откро-

веннее, в конце концов, чем то, что удастся нам... Мне и моим коллегам-литераторам.

Есть еще семь дней, которые даются смертнику для прошения — сохранить жизнь. Не все об этом просят. Примерно четвертая или пятая часть осужденных на смертную казнь по разным причинам не подает прошения, и тогда составляется соответствующий акт, подписанный начальником тюрьмы.

Иные же, как смертник Владимир Некрасов, подают прошение в двести с лишним страниц, да еще он посетует: «...Можно было бы продолжить рассказ о дальнейшем житье-бытье, но нет времени, мне дано всего 7 суток... Но можно ли за это время изложить все, что хотелось бы?»

Я сейчас о тех, которые просят, молят сохранить им жизнь. О сохранении жизни, кстати, просили и Чикатило, и Головкин, и другие жестокие преступники.

Все, что они пишут, попадает в дело, а дело — к нам, в Комиссию.

Пишут по-разному, у одного все прошение — два-три слова, у другого — целая книга о жизни, в стихах и прозе, как у Некрасова.

У некоторых прошение в стихах, сатирических, лирических, обличительных, философских... У некоторых это трактат о жизни, о судьбе страны, о Сталине, о перестройке, о политике...

У этих, последних, нет покаяния, поиска истины, хотя бы ценой жизни, а та же примитивная попытка уйти, скрыться за общими словами от ответа за содеянное.

Некий Бейсик — убийца и трижды насильник — на ста страницах, исписанных мельчайшим почерком, рассказывает о себе... Я даже подумал, что этот поток слов, прорвавшийся в последний момент, тоже некое психологическое явление, которое требует объяснений. Может, он так о себе заговорил впервые? Ведь прежде только пьянствовал да убивал? Были задействованы инстинкт да руки. И вдруг он попадает туда, где ничего, кроме стен и железной двери. Возникает необходимость что-то произнести, до кого-то докричаться, выплакаться, поведать про всю свою пропащую жизнь...

А слов-то нет! Пуста душа и не способна родить что-то звучащее так, чтобы достигало другой души. И он берет, как говорят, количеством, видимо предполагая, что много слов сколько-нибудь да будут весить.

В детстве была такая смешная загадка: что тяжелей, пуд гвоздей или пуд пуха? «Пуд гвоздей, конечно!» — кричали мы, не догадываясь, что отгадка таится в слове «пуд».

А у него всего один пух, и ни грамма веса.

«За все время, что я нахожусь в predisполнительной камере смертников, я постоянно задаюсь мыслью, а какой же следующий этап предстоит мне после окончательного приговора перед самым исполнением приговора и что в энное время меня просто не будет. И вот от таких предчувствий в этих мрачных стенах, хочу сказать честно, мне становится страшно. Страшно от одной лишь мысли, что меня больше не будет, и от этого неизвестная до того мне истома (словечко-то какое!) подымается до самого горла, всю душу сжимает в какое-то неведомое давление и становится не по себе, и не находишь себе места, и это преследует меня каждый божий день, и вся неопределенность моего положения, когда я уже несколько лет сиднем сижу... И все обо всем передумал...»

Со странным чувством читаешь эти слова.

И хотя знаешь, что человек говорит, пребывая на грани жизни и смерти, не веришь. Он и тут играет, как играючи убивал. И ничего, по сути, не смог «передумать» о чужой гибели... И о своей тоже.

За свои тридцать лет он прошел тюрьмы: Ростовскую, Новочеркасскую (где расстреляют Чикатило), Рязанскую, Воронежскую, Краснопресненскую в Москве, Бутырку и многие другие... И понял, что в них «...человек скатывается до самых глубин бездушия».

Но спрашивается: а до этого? Душа-то была? Так где же она была в момент убийства?

Где-то на 19-й странице начинает он живописать свою жизнь. И тут появляются причины (типичные, кстати, для подобного типа преступника) о том, что не было старшего советчика в жизни... Что всю жизнь один, без друзей, стар-

шим другом должен был быть отец... А он по пьянке засовывал его, мальчика, под диван, а сам садился...

«Пока мама отдыхает на Черном море, бабуля нас обстирает и оденет во что-нибудь, так я и ходил в старом, залапанном и коротком... И чем дальше, тем глубже я погружался в себя...»

Ну, вот этому я поверил: ибо сломленное детство во многих случаях начало той дорожки...

А вот иные слова, тоже убийцы:

«...Смерть не страшна, заведут в камеру, выстрелят в сердце или в голову и все, конец жизни на земле. Но душа—то вечна! Но если я не искуплю свой грех, то предстоят вечные муки моей душе, а страшней этих мук нет! — И далее приводит слова француза Шарля Пети: — «Грешник постигает самую душу христианства. Никто так не понимает христианства, как грешник... Разве что еще святой...»

Тут самое время вспомнить Федора Достоевского:

«...Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил...

...Что с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят?.. Подумайте, если, например, пытка, при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает... А ведь главная сильная боль может быть не в ранах, а вот что знаешь наверное, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас — душа из тела вылетит, и что человеком уже больше не будешь... И сильней этой муки нет на свете... Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия...» (роман «Идиот»).

Достоевский знал, о чем пишет, ибо сам пережил ожидание смерти. Правда, нынешние ждут, не зная ни часа, ни минут, или долго, или потом сразу.

Лучше это или хуже, не ведаю. А вот с ума сходят, знаю точно.

Станислав Мельников, 31 год, осужден за убийство приятеля, с которым по пьянке поспорил, убил его, а после отчленил голову и спрятал в подвале дома, а туловище поче-

му-то в шкаф. Потом убил знакомую, которая знала о том, что он совершил.

Обращаясь к Президенту, Мельников пишет:

«...Но я не прошу Вас помиловать меня. Я прошу Вас подписать мой смертный приговор и дать указание МВД России привести его в исполнение. Я всей душой прошу, чтобы Вы меня расстреляли. Сколько можно издеваться над человеком, даже над приговоренным к смерти... Нельзя без конца унижать человека, кем бы он ни был. Я устал от бесконечного ожидания... Я обращаюсь к Вам не как к Президенту, а как человеку, русскому человеку! Найдите в себе смелость и силы, чтобы привести в исполнение закон, хотя бы в отношении меня. Потому что я сам этого хочу и прошу об этом как о великой милости и избавлении от настоящего кошмара. Зачем жить, когда для всех являешься нечеловеком. Для Вас я убийца, получивший по заслугам, ну а кем тогда являетесь Вы?! Все те, кто выносит приговор, кто его утверждает, и, наконец, те, кто с Вашей руки его приводят в исполнение?»

Дайте же умереть в ясном сознании и здоровом состоянии духа, и отклоните мое ходатайство о помиловании... Какая Вам разница: одним больше или одним меньше? Ведь с древних времен на Руси было заведено исполнять желание приговоренного к смерти... Неужели Вам так трудно сделать великодушный жест, удовлетворить последнее желание человека...»

Не все письма столь отчаянные.

Вот, Сорокин А.В., 35 лет, приговорен к смертной казни за убийство торговца.

«...Раньше книги я читал буквально запоем, а сейчас, кроме Нового Завета, ну, конечно, газет, ничего не читаю. В каждой книге или убийство или что-то подобное. А тут как-то Э. Лимонова принесли, ну чего там читать-то? Матом я могу и похлеще его загнать. И вообще, бред какой-то. Может, кому и интересно, но сомневаюсь, мне двадцати страниц хватило, чтобы испортить себе настроение, которого и так нет. Я вот лучше анекдот расскажу из нашей жизни: ведут двух на расстрел, а один говорит товарищу: «Слушай, давай

рванем в разные стороны, может, повезет, убежим...» А второй отвечает: «Ты что, а вдруг застрелят!»

Заканчивает он так: «Надеются все, не теряю надежды и я... Со мной в камере сидит маньяк и тоже надеется. Так устроены люди. С его приходом стало вдвойне тяжелей... Любое преступление можно как-то понять... Не простить, а хотя бы понять. Но есть такие, что и понять не в силах. И одно дело — читать, допустим, в газетах (а я про него читал), другое — находиться рядом. Скажу честно, раньше бы я не выдержал такого соседства, но сейчас я знаю, что всему судья только Бог. Да и у самого руки в крови...

Второго моего сокамерника вы помиловали, заменили на пожизненное заключение. Вернули его в мир. Он счастлив, рад за него и я. Он ждал своей участи с 1991 года, а значит, скоро и моя судьба решится...»

Это редкое письмо, дающее возможность обратной связи: мы узнаем из первоисточника о настроении смертников. Преступник не жалуется, напротив, исполнен оптимизма и верит в Бога.

Кстати, маньяк, о котором он упоминает, небезызвестный Головкин, чьи преступления и вправду никому, даже убийце, понять нельзя. О том, что маньяк... «тоже надеется» на помилование, было интересно узнать, потому что я понимаю, — никакой надежды у него быть не может.

Сорокин датирует свое письмо январем 1994 года. Где-то через год Головкин будет расстрелян. О судьбе Сорокина мне неизвестно.

Еще одна история, связанная с соседством по камере, когда разные люди ожидают решения судьбы.

Сергей Свидерский, 23 года, осужден на смертную казнь.

«Поясняю, что я совершил преступление в ИВС г. Рубцовска... Меня привезли в камеру, где находились трое: Поляков лежал на топчане, Ушатов лежал в углу на полу, а Маньков возле бачка с нечистотами. Я лег возле Ушатова на пол, в это время у меня было подавленное настроение, так как мне дали большой срок. В эти минуты я думал о родных, они у меня пожилые, а папка больной, может меня и не дождаться.

Еще я думал о своих маленьких племянниках. Когда их привезли на суд, то их не пустили, сказали, что они маленькие, а я их очень люблю. Да и вообще, я детей люблю, ради ребенка я готов отдать свою жизнь, и ненавижу тех людей, у которых на ребенка поднимается рука, и разве можно этих гадов называть людьми, животные даже так не поступают. Вот только одно плохо, что я не успел обзавестись семьей...»

Я тоже ненавижу тех, кто поднимает руку на ребенка, и у меня есть союзник в лице бывшего президента Франции Миттерана, который не читал дел, а значит, и не миловал, если жертвами были дети.

Вернусь к исповеди Свидерского, она поучительна:

«...Когда я лежал, Поляков заваривал чай, а потом мы трое стали пить. Во время чаепития Поляков сказал, что Маньков сидит по 117 статье, часть четвертая, что он зверски надругался над трехлетней девочкой. Я тогда Манькову сказал, как ты мог надругаться над малолеткой, тебе что, не хватает девушек? Расскажи, как все произошло... А он стал отказываться, что не совершал насилия. Я тогда пошел на обман и сказал Манькову, что, когда меня сюда везли, со мной ехал следователь и он рассказал, как ты совершил преступление. И тогда Маньков признался и даже рассказал, как он это сделал. Поляков не выдержал и стал избивать Манькова, и Ушатов бил, а я вспомнил, что у моего друга Сидоренко изнасиловали и задушили 10-летнюю дочь. В эти минуты я просто не контролировал себя, я бил Манькова кирзовым сапогом. Также били металлическим бидоном. Но убивать его у меня цели не было...»

Я уже как-то упоминал, что в Лондоне, в старинной тюрьме Prison, мы видели отдельный блок для тех, кто насиловал малолетних, блок, отгороженный стальной решеткой. Ее опускают в случае беспорядков, ибо заключенные в первую очередь расправляются не с администрацией или ненавистными надзирателями, а именно с такими насильниками.

На одной из стен этого бокса мы увидели выставку удивительную: на рисунках насильники изображали себя такими, какими они себя представляют. Кто-то нарисовал себя в виде ощеренного хищного черта, с рогами и хвостом...

Я не знаю, кто придумал подобный вернисаж, может, сами заключенные; но такое саморазоблачение своей вывернутой наизнанку звериной сути может внушить надежду на покаяние.

В нашем случае никаких мук совести насильник, по-видимому, не испытывал. Да и реакция стражей, как вы сможете далее прочесть, была более чем спокойна.

«...Когда мы били Манькова, — продолжает Свидерский, — в глазок камеры заглянул помощник дежурного по ИВС, но почему-то ничего не сказал, а ушел, хотя мог бы предотвратить преступление. После этого Поляков стал делать удавку. Я понял, что Поляков задушит Манькова. Тогда я сказал Манькову, лучше повесься сам, но Маньков отказался. Тогда я дал ему лезвие, чтобы вскрыл себе вены. После всего этого мы снова заварили чаю и втроем попили.

Поляков сказал Манькову, чтобы тот снял свои штаны. Потом он из штанов лезвием вырезал полоску материи и накинул Манькову на шею, тот сидел на корточках возле бачка с нечистотами. Поляков, значит, накинул петлю и начал душить. Ушатов встал к двери и закрыл собой смотровой глазок. Подержав немного Манькова, Поляков отпустил жгут. Маньков захрипел. Тогда Поляков снова затянул петлю. И снова отпустил. Маньков лежал на полу и был синий. Ушатов потрогал пульс Манькова и сказал, что он мертв.

После этого Поляков закричал в соседнюю камеру №12 и пояснил, что он сделал, и спросил, правильно ли, ему ответили, что разберемся на этапе. Дежурный был занят музыкой в четырех шагах от камеры и не поинтересовался, хотя все слышал. Тогда я постучал и позвал дежурного, сказал, заберите труп Манькова. А когда дежурный не поверил, Поляков подошел и пнул его ногой. Даже после преступления я слышал, когда нас возили на санкцию к прокурору, как они между собой говорили, что не было бы у них погон, они его бы его задавили собственными руками... На следствии я давал ложные показания и брал вину на себя, потому что молодой и ветер в голове гуляет, не думал, чем это может кончиться. А на суде я давал правдивые показания, но их не учли и дали мне “вышку”...

Еще и Ушатов нас просил, чтобы мы не говорили, что он принимал участие, будто он спал. А сидит он по легкой статье и, когда его освободят, будет нас «греть», то есть приносить чай и курево...»

Моление о казни (зеленая папка)

Дело Воронцова, о котором я упоминал, мало похоже на уголовные привычные для нас дела. Это первый, пожалуй, в нашей практике случай политического терроризма.

Итак: Воронцов Владимир Глебович, 1945 года рождения... 11 января 1991 года, вооруженный обрезом, вошел в кабинет главного редактора калужской газеты «Знамя» и трижды выстрелил в него. На звук выстрелов вбежал фотокорреспондент, но Воронцов угрозами заставил его уйти, а через дверь, для устрашения, дважды выстрелил и ранил, фотокорреспондент умер в больнице.

Потом Воронцов разыскивал начальника Строительного управления СУ-6, секретаря партийной организации «Калугастрой», но им повезло: он не нашел их ни дома, ни на работе... Это спасло им жизнь. Воронцов же успел еще застрелить председателя профсоюзного комитета, и его схватили.

На допросе он заявил, что свои действия не считает преступлением, поскольку совершал их по идеологическим мотивам, так как убежден в необходимости физического уничтожения коммунистов.

Приведу несколько строк из психолого-психиатрической экспертизы: «Его воспитанием никто не занимался, но в доме было много книг. Сам лично пришел к выводу, что во всех бедах в нашей стране виновато коммунистическое руководство. Когда был опубликован проект конституции, это стало своего рода толчком всем тем мыслям, которые он носил в себе. Решил выразить свое отношение к документу, забрался на верхушку колокольни одной из церквей Ярославля, откуда в течение нескольких часов выкрикивал различные лозунги о том, что нет мяса, рыбы...»

Приехала милиция, пожарники, уговаривали слезть. Когда захотел пить, он сам спустился. Тут же был задержан и препровожден в психиатричку.

В бумагах написали: задержан работниками милиции в связи с тем, что, забравшись в верхнюю часть церковной колокольни, начал громко выкрикивать политические лозунги, но к себе никого не подпускал, бросал камнями. С трудом был снят после длительных уговоров. В милиции признал в милиционере своего брата, целовал его... Временами был плаксив, потом смеялся. Окружающих называл агентами, провокаторами, но не знает, какое число, месяц, место нахождения — в каком городе находится. Не мог назвать свой адрес. Заплакал, когда спросили, лежал ли он в Кащенко: «Не напоминайте мне его имя, я с ним вместе лечился...»

Диагноз: «шизофрения, приступообразно-прогредиентное течение». В другой раз: «шизофрения шубообразная, аффектно-бредовый приступ».

Впоследствии Воронцов объяснял, что это была симуляция для получения «белого билета», позволяющего говорить все, что думаешь. И что на колокольне он излил душу, ибо мог кричать все, что хотел.

С семьей дела обстояли неважно. Жена, по его словам, стала раздражать, вызывала неприязнь, и, получив жилплощадь, он оставил ее семье, жене и дочке, а сам поселился в общежитии.

Через некоторое время завел другую семью; у второй жены была дочь от первого брака, жили мирно, и только в дни, когда он напивался (это случалось 3—4 раза в месяц), он становился плаксив, рыдал, говорил, что у него на глазах кого-то убили и ему срочно надо уезжать.

Трезвый, по словам жены, Воронцов был нормальным человеком, без странностей, лишь временами «...несмотря на сдержанность, прорывались у него слова о ненависти к коммунистам, особенно к тем, кто занимал руководящие посты и должности...»

По отзывам же приятеля, после выпивки на работу не шел, а обычно лежал, укрывшись с головой, не ел, не пил, а весь день «страдал». В это время мог всякую ерунду произносить, и не по существу...

Был случай, когда в состоянии опьянения хотел выброситься из окна общежития. Мог потом не пить месяцами, до года и больше.

Производил впечатление уравновешенного, душевного, отзывчивого, вежливого и развитого человека, способного найти подход к людям. Всегда следил за своим внешним видом. Умел владеть собой в любой обстановке, никогда не ввязывался в ссоры и перепалки.

Но в то же время: «большой правдолюб, не терпел несправедливости, мог сказать правду любому человеку, невзирая на положение и должность».

Постепенно, по его словам, он пришел к выводу о необходимости борьбы с коммунистами из номенклатуры путем их физического уничтожения.

Случилось, торопился я по делам в Администрацию Президента в Кремле, и на Ивановской площади обратил внимание на группу рабочих, которые вскрывали асфальт, а через некоторое время извлекли из земли останки Великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, павшего жертвой революционного террора (в него бросил бомбу Каляев), и теперь его прах, в связи с реконструкцией Кремля, переносили в другое место.

Специально для этого, пока шли работы, была поставлена прямо на брусчатку брезентовая оранжевого цвета палатка.

Рабочие перекуривали, говорили о погоде и последнем сериале на телевидении; мощи, скрытые за брезентом, особого интереса у них не вызывали. А когда я спросил, как же выглядит Великий князь, они отвечали небрежно: «В военной форме, только без головы... Голова-то у него тряпчатая...»

«Вот и весь результат», — подумалось тогда. Тем более что Каляев пошел на казнь и не просил о помиловании. Наоборот, он писал из Бутырской тюрьмы: «...Прошу вас... не ходатайствовать перед государем о даровании мне жизни. Я не приму помилования...»

И был повешен.

Старый краснокирпичный двор Кремля под летним солнцем, милиция, регулирующая проход и проезд, ряды

чернолаковых машин у подъезда резиденции Президента, и — этот ремонт... И никого уже ни герои террора, ни их жертвы не интересуют...

А кстати, жизнь-то Воронцова, который не просит о помиловании, в этот самый момент, когда я стою посреди площади, будет решаться или уже решается здесь, рядышком, в кабинете Президента.

Но я сейчас не о судьбе и даже не о характере Воронцова, хотя именно характер и предопределяет судьбу.

Такие были во все времена, и почти всегда они были в конфликте с окружающим их миром. В прошлом веке уезжали на Кавказ, бились на дуэлях, готовили заговоры, стреляли в царя... Нынешние сами просились в Афганистан, в Приднестровье, в Чечню...

Обостренное чувство якобы творящейся вокруг несправедливости, свойственное им от природы, обычно перерастает в болезненную непереносимость любой несвободы, даже той, которой нет... А значит, любой власти, которая олицетворяет эту свободу (или несвободу).

Отсюда уже недалеко и до личных действий, до того же терроризма. А против кого он будет направлен, дело второстепенное.

Воронцов начиная с 1986-го года изготовил и хранил кинжал, мелкокалиберную винтовку, патроны, ружье, из которого сделал обрез.

В эти же годы он установил места работы и жительства ряда номенклатурных лиц, в том числе работников калужского обкома КПСС, исполкома областного Совета, секретарей парткомов предприятий и профсоюзных работников ряда строительных организаций... Эти, последние, были должностные лица из той отрасли, где Воронцов работал.

Он составил список (15 человек), надо полагать, по его мнению, самых опасных для страны лиц, отслеживал пути их передвижения. И далее, как результат: убийство главного редактора газеты, которая была органом и рупором здешнего обкома партии.

Был убит, как я уже писал, и профсоюзный деятель по месту работы Воронцова. Террор был конкретен — наказа-

ние тех, которых знал исполнитель и в несправедливых деяниях которых был уверен. Эдакий народный мститель типа Зорро, калужского масштаба.

На допросах Воронцов вел себя уверенно, рассуждения были четкие, подчас излишне пространны, но достаточно логичны. В то же время в них полностью отсутствовали элементы сожаления и критическая оценка содеянного.

В документах отмечено, что подсудимый был высокомерен, упорно отстаивал свои убеждения, отмечена «...переоценка своих возможностей...» Но нарушения мышления, памяти и так далее не обнаружено.

Исследователи от медицины делают вывод, противоположный своим же первым выводам: «...он перенес четыре кратковременных психических состояния недостаточно ясной нозологии с последующим формированием психического склада личности параноидальной структуры с определенным общественным мировоззрением...»

Что означает «определенное мировоззрение» знают, наверное, только специалисты из института Сербского, но они и знамениты тем, что не такие еще диагнозы закатывали!

А вот сама личность о своих действиях:

«...Когда шел в редакцию газеты, очень волновался, но в кабинете волнение прошло, испытывал только напряжение».

«Встаньте!» — так он сказал редактору прежде чем выстрелить. На суде потом исказят, написав, что он крикнул: «Встать!»

«На пороге дома вспомнил, что оставил на столе редактора дипломат с газетой («их газетой»), на которой указан домашний адрес и фамилия... Сердце екнуло: «провал»... Его величество случай сыграл свою роль, первый шаг оказался последним. После второго убийства сам пришел в милицию, знал, что все равно найдут...»

И далее с некоторой бравадой, — он сделал то, что хотел и смог, и ни о чем не жалеет. Это о гибели двоих... В третьего (фотокорреспондента) «стрелял незаслуженно». Но... «во имя своих убеждений и жизнь положить не жалко».

Он отлично понимает, с кем имеет дело (это о врачах из «Сербского»), и просит, чтобы его считали человеком здоровым, ибо «...если шизиком признают, будет обидно, самолюбие пострадает...»

О нем сказано еще: «Проявляя холодность к потерпевшим, пренебрежение к окружающим его лицам, он очень тепло отзывался о своей матери и жене, при этом волнуется, мрачнеет, тяжело вздыхает, с чувством горечи заявляет: "Это моя боль". Но при этом подчеркивает, что его жена в сложной для нее ситуации проявляет самоотверженность и самопожертвование».

В заключение в медэкспертизе указывается, что в отделении института он много читает, интересуется событиями в стране и за рубежом. Временами бывает задумчив, тосклив. В обращении с персоналом вежлив...

О помиловании Воронцов не просит.

Было от него письмо, адресованное лично Б. Ельцину по поводу событий 21 августа 1991 года, и повторное, которое сохранилось в деле, там сказано: «Я убежден и сейчас, что мои действия не являются преступлением, а лишь ...часть заслуженного наказания — возмездия всех властвующих коммунистов, государственных преступников и самой КПСС. Не я придумал этот "метод", которым на протяжении десятилетий пользовались власть держащие против своего народа, я всего лишь повернул его против них. В то время я видел в этом единственную возможность пресечь, наказать зло, ложь, несправедливость, которые творила КПСС... Сейчас, конечно, любые подобные действия — невозможны...»

Вот здесь он ошибается. Такие любые методы еще как возможны.

Он не верит, что возможен суд над коммунистами... «Это невозможно и бессмысленно. Поэтому только я решился на свои действия».

Подтверждает, что у него в списке еще 14—15 фамилий. «По каждой из них имелся материал и факты их преступных деяний... Может, мои действия это глупо, безрассудно, но всему есть предел. Нестерпимо было дальше жить

во лжи, в страхе, в зле и ничего не делать. Мои действия это тот самый приговор, который вынесло им время...»

И вот уже в адрес и нынешнего строя, которого он так ждал и во имя которого боролся.

«...Столь длительное содержание человека, приговоренного к смерти, в нечеловеческих условиях роднит правосудие свободной России с так называемым правосудием бывшего государства СССР, элементами садизма и издевательства над человеком. Святая инквизиция могла бы позавидовать столь изощренной пытке. И это в стране, говорящей о демократии и ставящей человека на первое место в государстве... Дай-то Бог, чтобы так было на самом деле в России. С искренним уважением к Вам, Борис Николаевич. 1992 г.»

А вот еще письмо, хранящееся в деле, подписанное: «Просто калужанин». По поводу приговора Воронцову.

«Ваше высочество! Господин Президент!

Убийца Воронцов просит о помиловании и отмене ему смертной казни (а он и не просит как раз!). Он не знает, чего просит. Потому что в расстреле нет никакого наказания и тем более "высшей меры": не успеешь вздохнуть, а тебя шлепнут в затылок. Расстрел — это и есть помилование. Наказание же будет состоять в том, чтобы переносить все невзгоды: голод, холод, труд, "битье", оскорбления, тоску по воле, по семье. То есть перенести все лиха, вот что такое "высшая мера" наказания. Тогда, после покаяния за всю жизнь, когда о себе заплачет, тогда Воронцов узнает, что такое "высшая мера"...»

В письме упреки и ему, зачем, мол, спешил, они (наверное, имеются в виду жертвы) все равно погибли бы без его участия, и без него бы их прихлопнули... (Интересно, кто?) А теперь у него дети остались опозоренные, жена измучится тяжелой жизнью, тоже, по сути, будет нести «высшую меру» наказания...

Автор письма советует Президенту: замените вы, Борис Николаевич, ему, Воронцову, расстрел на каторгу, а его жилищные условия улучшите, чтобы не растить больше убийц...

Юрист из Астрахани, тоже в письме, уже напрямую проводит параллель с прошлым временем: «Ведь император Александр III готов был по-христиански простить покушавшегося на него А. Ульянова при условии, что тот раскается в содеянном. Но Ульянов не раскаялся, следовательно, оставался опасным типом и тем подписал себе приговор...»

И письмо Воронцова нам, в Комиссию.

«Мое обращение к вам не просьба о помиловании. На счету "соцправосудия" десятки миллионов расстрелянных людей, одной несправедливостью больше или меньше, не имеет значения. Суть обращения вот в чем. Уж если правосудие социалистического государства приговорило меня к смерти, оно должно быть последовательно до конца. Пусть убивает. Сколько можно ждать. Содержание человека годами в полутемном сыром подземелье, без воздуха и света, при этом прикрываясь гуманностью, не делает чести России как будущему правовому государству...

Надеюсь, это обращение к Вам ускорит решение моей судьбы. 17. 08. 93 г.».

Последнее письмо, написанное еще через год:

«...Это изощренный садизм, бессмысленность столь длительной отсрочки очевидна...»

Он даже не догадывался, что тут может и не быть смысла, а есть лишь казенное прохождение его дела через бюрократический аппарат. Но аппарат тот самый, с которым он столько времени боролся!

«...Говорить даже о каких-то угрызениях совести, о душевных муках смертника — глупо. Все эти душевные и психические переживания человек испытывает лишь в первые недели после приговора. Человек, если не сходит с ума и не кончает жизнь самоубийством, думает и воспринимает смерть почти равнодушно. Он уже пережил, прошел через нее, и она его не страшит... — И уж точно к нам: — Вы люди, решающие вопросы жизни и смерти тоже людей. В чем цель и смысл убийства по закону? Неужели только в том, чтобы убить безнаказанно? Я прошу у вас милости, пощады — нет. Я напоминаю вам о своей просьбе (двухгодичной давности) об исполнении приговора социалистического правосудия...»

Комиссия не тянула с этим делом, она знала о нем еще из газет. Мнение у нас было однозначным, мы рекомендовали Президенту помиловать Воронцова и заменить ему смертную казнь тюрьмой. Понимали, что это больной человек. Корень от корня прошлой системы, он хотел при помощи зла сделать добро.

Но это был период, когда бюрократический аппарат уже подмял под себя власть, и наши дела попадали к Ельцину с бумажечкой, которую писали люди из его окружения.

Она ложилась поверх наших решений и была сама решением. Президент написал: «Воронцову смертную казнь».

А. Латынина

УБИЙЦА И МСТИТЕЛЬ

Программу Савика Шустера «Свобода слова» (15 февраля) я собиралась смотреть «вполглаза» — бросая взгляд на экран меж ужином и мытьем посуды.

Вялотекущая дискуссия о преступности и смертной казни идет в обществе уже несколько лет, точки зрения определены. Что приковало к экрану — так это горе конкретного человека. У отца убили дочь и ее жениха, оба студенты. Убийцы найдены. Но, как сказал отец, отчаяние охватывает оттого, что мерзавцы могут уйти от наказания. Таких преступлений — тысячи по России (прозвучала цифра — 30 тысяч убитых за прошлый год). Но ягнята, как известно, молчат. Отцом убитой девушки оказался университетский профессор, декан социологического факультета МГУ Владимир Иванович Добреньков, обратившийся к Президенту с просьбой восстановить смертную казнь («Время МН», 15 февраля).

Доводы профессора Добренькова, впрочем, никого не интересовали. Разговор покатился по накатанной колее.